

ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ

«МОИ СИМПАТИИ ВСЕГДА БУДУТ НА СТОРОНЕ РУССКИХ» (АКАДЕМИК И. В. ЯГИЧ)

В.И. Макаров, Л.В. Амелина

Кафедра русского языка
Кафедра немецкого языка
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

Рассматриваются основные направления научной и организаторской деятельности И.В. Ягича в области славянского языкознания, его организаторская деятельность в сфере славянской и германской лингвистики. Исследуются творческие связи И.В. Ягича и А.А. Шахматова.

Ключевые слова: журнал, история науки, история языка, молодежь, демократизм, Россия, Германия, славистика.

В европейской филологии исключительно велика роль академика Ватрослава Ягича (1838—1923), хорвата, жизнь и творчество которого оказалась тесно связанной с наукой России, Германии, Австрии, да, впрочем, и всей филологической Европы. Его творческие интересы были широки: история славистики, палеография, церковнославянский язык, история, этнография славянских народов, литературоведение, фольклористика и пр. Им было опубликовано свыше 500 работ. Ваторослав Ягич начал серьезно заниматься научной работой, будучи студентом философского факультета Венского университета, изучая в то же время славяноведение под руководством знаменитого слависта Франца Миклошича. Естественно, его прежде всего заинтересовали южнославянские языки, в том числе старославянская письменность, вообще памятники древней славянской письменности. В 1865 г. он открыл и опубликовал в Загребе совместно с Ф. Рачким Ассиманиево евангелие, в 1871 г. в Санкт-Петербурге Ягич напечатал Мариинское евангелие, а в 1879 г. уже в Берлине — Зографское евангелие. Затем последовал целый ряд его публикаций по кирилло-мефодиевской проблематике в Санкт-Петербурге, Вене. Так что к концу 70-х гг. XIX в его имя было уже достаточно хорошо известно в Европе.

В декабре 1868 г. Ягич (по русской традиции Игнатий Викентьевич) был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук России, а с марта 1871 г. на основании весьма положительного отзыва В.И. Григоровича вступил

в должность профессора Новороссийского (Одесского) университета, где в течение двух лет читал лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков, санскриту и греческому языкам.

По инициативе И.В. Ягича и при поддержке профессора санскритаизенда Альберта Вебера в Берлинском университете куда Ягич отправился для стажировки по этим языкам, была учреждена кафедра славянской филологии и в 1874 г. предложена именно ему должность ординарного профессора этой кафедры [1. С. 186]. Из письма Ягича И.И. Срезневскому от 23 марта 1874 г. ясно, что он согласился с этим предложением [РО РГБ, ф. 362, картон № 12, ед. хр. 46, л. 1]. Однако ученый заверил, что не покидает России, где, по его словам, он испытал «столь много добра, столь много дружеского расположения, столь много благодеяний». Эйфория, однако, продолжалась недолго. Уже в июне 1875 г. Ягич в письме к И.А. Бодуэну де Куртенэ признавался: «студентов, интересующихся славянской филологией, вовсе нет» [10. С. 97]. В начале 1876 г. в другом письме в Россию он написал еще более печальные строки: «Вы едва ли можете себе представить, как неприятно видеть такое пренебрежение к предмету. У меня уже в 3-м семестре для таких предметов как старославянская грамматика, русская грамматика, сравнительная фонетика, учение о словообразовании (все это я предъявил) нет ни одного слушателя» [10. С. 104]. В 1876 г. И.В. Ягичем было совершено поистине великое общеевропейское научное дело: он основал в Берлине славистический журнал «Archiv für slavische Philologie» и тем самым начал собирать вокруг себя лучшие силы славянской филологии, благодаря чему изучение славянства в европейской науке стало занимать прочное место. С.В. Смирнов объяснял этот шаг Ягича его «неудовлетворенностью работой, чувством одиночества», которые действительно «сильно угнетали Ягича» [13. С. 189]. Все это, возможно, и так, но была еще более веская причина такого решения, объясненная ученым в письме к В.И. Ламанскому из Берлина от 17 мая 1875 г.: «Вы, может быть, слышали, что я затеваю здесь орган филолого-археологический под заглавием «Archiv für slavische Philologie und Altertumskunde». Пока Вы, господа русские, не решитесь в Петербурге основать центральный орган для всех славян — позвольте мне прибегнуть к постыдному, но, к сожалению, до сих пор практическому средству — к языку немецкому. Ведь главное дело не форма, а содержание, По содержанию же я желаю служить интересам нашей науки, познакомливая (так у Ягича. — *В.М., Л.А.*) не только немцев и прочих «языков» с результатами наших ученых историко-филологических трудов, но и братьев славян, которые все еще не знают друг друга, в особенности же не знают — русских [3. С. 84]. Много позже И.В. Ягич опять таки в письме к В.И. Ламанскому из Берлина от 12 марта 1880 г. высказал свое отношение, как он считал, к нерасположению к славянам: «Я не русский, но имею слабость любить Россию как главу славянства; интерес славянской науки мне выше всего. Я покинул Одессу с надеждою с большим успехом действовать в пользу этой науки в Берлине; тут немцы не причем, я уважаю их устойчивость и добросовестное отношение к своим обязанностям, но не разделяю и никогда не буду участвовать в их нерасположении к славянам» [3. С. 98]. Впоследствии Ягич в письме к академику А.Н. Пыпину от 2 декабря 1890 г. скажет о России и ее миссии: «Я постоянно говорю, что Россия должна внушать славянам уважение к себе

не численностью народонаселения, а блестящими подвигами в области литературы и науки» [4. С. 115]. В связи со смертью в 1880 г. председательствовавшего в ОРЯС академика И.И. Срезневского И.В. Ягич был избран членом Императорской Академии наук и занял кафедру русского и церковнославянского языка в столичном университете, преподавая, кроме того, на Высших женских курсах.

Случайная встреча в феврале 1881 г. в Публичной библиотеке российской столицы московского гимназиста Алексея Шахматова, приехавшего изучать сербохорватские словари и сербское ударение по ним, и филолога, к этому времени уже хорошо известного в филологических кругах Европы, академика Ягича, не только навсегда определила их взаимную крепкую привязанность и обширное творческое сотрудничество, но и оказала значительное влияние на всю славянскую филологию. Впоследствии И.В. Ягич вспоминал, что сразу пленился не только истинной преданностью совсем молодого человека филологической науке, но и его широкими познаниями в этой области. К слову сказать, и на Ф.Ф. Фортунатова его первая встреча с гимназистом произвела такое же впечатление. Ягич вспоминал, что с Фортунатовым и Коршем он лично познакомился именно через гимназиста Шахматова [8].

По предложению И.В. Ягича уже в конце марта этого же года А. Шахматов отослал к нему в Берлин свою первую статью «Zur Kritik der altrussischen Texte», посвященную изучению нового издания «Жития Феодосия» по рукописям XII века (первое было осуществлено в «Чтениях» О.М. Бодянского еще в 1858 г. по рукописи Московского Успенского собора и оказалось очень далеким от текста оригинала из-за многочисленных опечаток, пропусков и т.п.). Однако новое издание, осуществленное А. Поповым, также оказалось не без опечаток. Их-то как раз и хотел А. Шахматов обнародовать, чтобы в последующем издании погрешности текста могли быть устранены. Результаты этой кропотливой и важной работы и посоветовал И.В. Ягич А. Шахматову изложить в статье для «Архива». Уже 2 мая 1881 года гимназист получил корректуру своей статьи. В ней был не только перечень замеченных опечаток, но и размышления о деятельности знаменитого монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, о важности именно «Жития Феодосия Печерского» для определения облика первоначального языка Нестора и даже доказательства наличия у текста памятника не одного, а двоих переписчиков.

Во второй половине сентября Ягич пригласил А. Шахматова напечататься у него с любым новым его материалом, однако в ответ гимназист написал сдержанно, не по возрасту: «Мне очень приятно Ваше предложение о напечатании (его «Приложений к истории русского языка» — *В.М., Л.А.*), но с удовольствием могу его принять только месяца через три или четыре, покопавшись еще в наших обильных библиотеках и, вместе с тем, познакомившись со взглядами других на этот интересный предмет...» Какое благородство и научная щепетильность! Ягич написал молодому человеку: «У меня столько официальных занятий, что я не успел еще порядочно изучить Ваше последнее письмо, Вы видите, что я говорю об изучении Ваших писем: они столь многосодержательны, что я очень дорожу ими и вношу их отдельно в ту книжку, где прячутся мои коллекции» [14]. И тут же, радуясь, что юноша принялся за изучение написаний **ѣ** и **ѥ** в памятниках, предложил ему особо выделить те места, где опечатки заключают в себе филологическое

значение, и отделить их от неточностей характера чисто графического. «Пора нам различать филологию от палеографии» (так у Ягича. — *В.М., Л.А.*) [14]. Эти как будто вскользь брошенные мысли Ягича еще более активизировали интерес Шахматова к исследованию соотношения звуков и букв в памятниках, и об этом он будет писать еще очень и очень много. В девятый день декабря этого же года И.В. Ягич послал А. Шахматову новое письмо: «Я утешаюсь тем, что мы ведь скоро увидимся. Вы должны в бытность мою в Питере часто бывать у меня. Итак — до скорого свидания. Ваш искренний друг И.В. Ягич» [14]. И.В. Ягичу пришлось по душе возражения Шахматова диспутанту А.И. Соболевскому, и он предложил Шахматову напечататься в «Архиве», теперь уже 13 сентября 1882 г. защищавшему магистерскую диссертацию и выслушавшему на защите резкий отзыв о ней гимназиста 8 класса Шахматова. Главное острие критики гимназист устремил на использование диссертантом печатных источников вместо имеющихся в архивах и библиотеках рукописных источников. Сообщая в письме от 8 октября того же года о том, что статья Шахматова не только получена, но уже даже отправлена для печатания в Лейпциг, Ягич написал, что очень рад напечатать этот труд гимназиста: «по-моему, было несколько рано дать уже теперь Соболевскому степень, но что делать, представителей русского языка очень мало [14. С. 47].

В сентябре 1883 г. И.В. Ягич поздравил Шахматова с поступлением в Московский университет и при этом выразил пожелание, чтобы его выдающиеся способности нашли изобилие занятий и того нравственного удовольствия, которое человеку дает сознание удачно исполненного долга [14].

Когда зимой 1884 г. первокурсник А.А. Шахматов взялся за написание «Исследования о языке новгородских грамот XIII и XIV века» и окончил его, именно И.В. Ягич возбудил в Императорской АН вопрос о награждении автора специальной премией. Размер ее был по тем временам немалый: 100 рублей. Как вспоминала старшая сестра А. Шахматова Евгения Масальская, профессора факультета даже сочли, что «Исследование» «смело могло бы быть принято в качестве магистерской диссертации» студента — первокурсника! «Леля, — вспоминала Евгения, — успел приобрести и между русскими, и между заграничными учеными, репутацию одного из лучших знатоков русского языка» [8. С. 552].

В 1885 г. И.В. Ягичу последовало предложение из Вены, от которого ему было трудно отказаться. В письме от 24 апреля 1886 г. он писал Ф.Е. Коршу: «Многоуважаемый Федор Евгеньевич! Из газет Вы, конечно, уже знаете, что я покидаю Санкт-Петербург — но не покидаю России, не покидаю славянской науки, не изменю моим симпатиям к русскому языку, литературе и славному русскому народу. Я буду приезжать в Россию часто, в Москву, может быть, чаще, чем до сих пор, чтобы заниматься в богатых библиотеках Вашей белокаменной...». И тут же не забыл о других своих ближайших друзьях: «Передайте мой поклон Фортуна-тову и моему молодому другу Шахматову, его я хотел бы Вам (так у Ягича — *В.М., Л.А.*) украсть и повезти с собою в Вену!» [там же, л. 24—25]. И.В. Ягич, судя по его письмам, ощущал, особенно поначалу, острую тоску по России, по российским студентам. В письме ему же от 16 июля 1886 г.: «Жаль мне только моих хороших русских студентов: таких я здесь не найду. Здесь, к несчастью, все заражены политикой» [Архив РАН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 412, л. 28 об.]. Здесь нельзя не

привести фрагмента из письма талантливейшего словенца, ученика Ягича Ватрослава Облака В.Н. Щепкину от 15 августа 1890 г.: «М. Мурко (работавший в австрийском Градце. — В.М., Л.А.) всегда хвалит мне своих русских студентов как образцы большого прилежания» [4. С. 140].

«Искренне желаю почаще бывать в России — да и останусь ли я академиком, то я и всегда буду по крайней мере — полурусским, — писал Ягич Шахматову 10 октября 1886 г. — Мои симпатии всегда будут на стороне русских... [там же, л. 30 об.- 31]. И снова, и снова — мысли о России: «Жаль, жаль, что я не мог остаться в Петербурге, но разве теперь обращают у нас (то есть в России, которую позвольте мне и впредь называть нашей) внимание на науку?» — писал он Ф.Е. Коршу. Когда в начале марта 1894 г. в варшавском «Русском филологическом вестнике» вышла статья А.А. Шахматова «К вопросу об образовании русских наречий», И.В. Ягич выразил неудовлетворенность ею из-за, как ему показалось, «Lufttheorie». В письме к М.С. Грушевскому он писал: «Haben Sie im Варшавский Филологический вестник die Abhandlung Schachmatovs К вопросу об образовании русских наречий gelesen? (Варшава, 1894). Zu meiner Bedauer ging dieser talentvolle junge Gelehrte, was das alte Russische Land betrifft, aus der Lufttheorie Pogodin und Sibolewski. Seine Argumentation ... sehr schön, es ist aber nach meiner Meinung alles ein Luftschloß. Er beschreibt die Bedeutung der Politischen Consolidierung für den ethnographischen Hintergrund... («Вы читали в Варшавском Филологическом Вестнике научный труд Шахматова “К вопросу об образовании русских наречий?”» (Варшава, 1894). К моему сожалению, этот талантливый молодой ученый, что касается древней Руси, исходит их воздушной теории Погодина и Соболевского. Его аргументы прекрасны, но, по моему мнению, все это воздушный замок. Он описывает значение политической консолидации для этнографической подоплеки...») [ЦГИАУ, ф. 1235, оп. 1, ед. хр. 870].

Но вскоре Ягич понял мысли молодого друга и похвалил его за работу. Он был очень щедр не только на идеи, но и на их реализацию. Кроме ASPH Ягич решил издавать еще и научный сборник по славяноведению, так называемый «Grundriss der slavischen Philologie («Энциклопедия славянской филологии»), и, судя по письму к Ф.Е. Коршу от 8 марта 1895 г., активно подыскивал авторов [Архив РАН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 412, л. 37].

По случаю избрания А.А. Шахматова в экстраординарные академики вдохновленный этим событием Ягич писал новому члену ОРЯС ИАН в письме от 1 апреля 1898 г.: «Желаю, чтобы Вы в среде двух, если не трех, поколений, сосредоточенных теперь в Отделении русского языка и словесности, чувствовали себя хорошо, чтобы Ваша опытность и Ваша эрудиция направляли деятельность Отделения по пути, достойному высокого значения русской Академии наук. Ведь она может и должна быть во главе всех подобного рода учреждений» [3. С. 117]. Женитьба А.А. Шахматова на Н.А. Градовской, дочери покойного историка права А.Д. Градовского, выход в 1897 г. первого шахматовского выпуска словаря — тезауруса, несомненно беспрецедентное событие в восточнославянской науке, удивило, взволновало и, вместе с тем, обеспокоило всегда заботливого Ягича. «Ваше усердие выше всяких похвал — я даже повторяю, будьте осторожны, не напрягайте своих сил уже очень расточительно», — писал он по поводу выхода

первого выпуска Словаря. И далее: «Как я рад, что Вы счастливы в семье! Кланяйтесь Вашей дорогой супруге, скажите ей, что я и от нее надеюсь (так у Ягича. — *В.М., Л.А.*), что она не допустит Вам чересчур много заниматься. Вы теперь живете не только для науки, но и для семьи» [3. С. 187]. Вскоре И.В. Ягич станет даже крестным отцом первой дочери Шахматовых...

«Эпохальным» событием начала XX века была идея киевлянина Т.Д. Флоринского о съезде русских филологов. В письме к киевскому ученому от 8 апреля 1902 г. Шахматов с радостью сообщил, что И.В. Ягич сочувственно отнесся к этой идее и выразил в общем те же самые пожелания, которые разделили все российские филологи: из программы съезда должна быть исключена всякая политика. Политическая ситуация в стране не давала покоя большинству ученых, нередко придерживавшихся, кроме того, противоположных взглядов, что мешало науке вообще и, конечно, сказалось бы на ходе и решениях съезда. Кроме того, по убеждению Ягича, на съезд должны быть непременно приглашены и немецкие ученые Август Лескин, Зольмсен (так у Шахматова, совр. Сольмсен — *В.М., Л.А.*), швед Лундель и др. Шахматов добавил от себя, что на съезде должны быть представлены все науки, которые можно назвать национальными, славянскими, даже, например, исследование права [РО ЦНБ НАН Украины, III. 215/83].

На созванном ОРЯС Предварительном съезде русских филологов в апреле 1903 г. А.А. Шахматов выступил со специальным докладом по вопросу о «Славянской энциклопедии». В вопросе о языке этого межславянского печатного органа возникли разногласия. ОРЯС выступило за издание Энциклопедии на русском языке, но с переводом на все славянские и другие языки. На заседании секции «Славянская энциклопедия» была прочитана Записка немецких ученых д-ра Goetz'a и К.Г. Saleman'a, в которой авторы настаивали на использовании для издания немецкого языка, поскольку, во-первых, энциклопедия, как они полагали, «принесет несравненно большую пользу ученому миру, если будет напечатана на языке общераспространенном и общедоступном», а во-вторых, степень участия в подобного рода предприятия западных ученых будет гораздо более активная, вследствие чего Энциклопедия бесспорно выиграет в научном отношении» [12. С. 32]. И.В. Ягич заверил, что берлинский издатель «Архива славянской филологии» предпримет перевод Энциклопедии на немецкий язык. В результате обсуждения проблемы секцией было постановлено: издавать Энциклопедию на русском языке, но по частному соглашению с авторами отдельных статей можно будет делать для них отдельные оттиски на их родном языке при условии отказа авторов от гонорара [12. С. 30].

В качестве реализации плана издания «Энциклопедии» в 1910 г. Академия наук России опубликовала беспрецедентное по охвату фактического материала и глубине его изложения работу И.В. Ягича «Истории славянской филологии». Существенно, что автор представил не только историю собственно славянской науки, но и немало сюжетов посвятил реконструкции истории разработки славянских вопросов в Германии, начиная с XVI века. «Различные вопросы, касающиеся их (славянских языков. — *В.М., Л.А.*) происхождения и родины, их прошедшей и настоящей жизни, бытовых особенностей и литературных произведений, — пи-

сал ученый, — всплывали мало-помалу наружу, главным образом в Германии с тех пор как немецкие ученые стали вникать в вопросы древности собственных германских племен. Они не могли и не хотели совсем обходить молчанием славян уже потому, что на той же почве, которую они называли германской, раньше жили славяне, отчасти вымершие, отчасти онемечившиеся» [14. С. 59]. И.В. Ягич, как мы уже говорили, старался быть подалеже от политики, но жизнь принуждала к другому. Еще 8 января 1878 г. ученый с болью писал из Берлина историку русской литературы Оресту Федоровичу Миллеру: «Уже теперь тяжело живется южным славянам; разъединены, раздроблены, они едва в состоянии противостоять наплыву чужих, нашу национальность, нашу самобытность разъедающих элементов. Что же сделает Сербия, как маленькое, хотя бы и независимое княжество, какую роль будет играть Черногория, если центр нашего племени попадет в когти австрийцев и магар (мадьяр, то есть венгров — *В.М., Л.А.*) [11. С. 132].

В период начала японско-русской войны Ягич в письмах к Шахматову выражал острое беспокойство именно по поводу безвинных жертв этой бессмысленной бойни. «Сколько Энциклопедий уже погибло в Порт-Артурском заливе, а сколько их еще поглотит эта злополучная, дерзко навязанная война» [Архив РАН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 412, л. 50].

НАИМЕНОВАНИЯ АРХИВОВ

Архив РАН — Архив Академии наук в Москве.

РО РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РО ЦНБ НАН — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины.

ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: В 3 т. Т. 1. — Минск, 1976.
- [2] Вестник Европы, 1886, ноябрь. [Vestnik Evropy, 1886, noyabr.]
- [3] Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.-Л., 1948. [Dokumenty k istorii slavyanovedeniya v Rossii (1850—1912). M.-L., 1948.]
- [4] Из переписки деятелей Академии наук. Серия II. Л., 1925. [Iz perepiski deyatelej Akademii nauk. Seriya II. L., 1925.]
- [5] *Крымский А.Е.* Древнекиевский говор. СПб., 1907. [Krymskij A.E. Drevnekievskij govor. SPb., 1907.]
- [6] *Ляпунов Б.М.* Краткий очерк ученой деятельности академика И.В. Ягича. Одесса, 1901. [Lyapunov B.M. Kratkij ocherk uchenoj deyatel'nosti akademika I.V. Yagicha. Odessa, 1901.]
- [7] *Макаров В.И.* «Такого не быть на Руси прежде». Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб., 2000. [Makarov V.I. «Takogo ne byt na Rusi prezhe». Povest ob akademike A.A. Shaxmatove. SPb., 2000.]
- [8] *Масальская Е.А.* Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. 2012. [Masalskaya E.A. Vospominaniya o moem brate A.A. Shaxmatove. 2012.]
- [9] Материалы по организации съезда русских филологов. М., 1904. [Materialy po organizacii sezda russkix filologov. M., 1904.]
- [10] Письма Ягича к русским ученым (1865—1886). М.-Л., 1963. [Pisma Yagicha k russkim uchenym (1865—1886). M.-L., 1963.]

- [11] Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1903 г.). Бюллетени. СПб., 1903. [Predvaritelnyj sezd russkix filologov (10—15 aprelya 1903 g.). Vyulleteni. SPb., 1903.]
- [12] *Смирнов С.В.* Отечественные филологи — слависты середины XVIII — начала XX вв. М., 2001. [*Smirnov S.V.* Otechestvennye filologi — slavisty serediny XVIII — nachala XX vv. M., 2001.]
- [13] *Шахматов А.А.* Сборник статей и материалов. Вып. 3. М.-Л., 1947. [*Shaxmatov A.A.* Sbornik statej i materialov. Vyp. 3. M.-L., 1947.]
- [14] *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910. [*Yagich I.V.* Istoriya slavyanskoj filologii. SPb., 1910.]

‘MY HEART WILL ALWAYS LIE WITH THE RUSSIANS’ (ACADEMICIAN I.V. YAGICH)

V.I. Makarov, L.V. Amelina

The Chair of the Russian Language
The Chair of the German Language
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky
Bezhitskaya str., 14, Bryansk, Russia, 241036

This article considers the key directions of scientific and organizational activities of the scholar in the field of Slavic Linguistics as well as his organizational activity in German Linguistics. We also investigate creative ties between I.V. Yagich and A.A. Shakhmatov.

Key words: journal, history of science, language history, the youth, democracy, Russia, Germany, slavistics.